

О «последствии» труднодоступности в истории миноритарных языков и диалектов

Ирина Игоревна Челышева

Институт языкоznания РАН

Москва, Россия

chelirin@gmail.com

Статья посвящена языкам и диалектам, функционировавшим в отдаленных, труднодоступных, изолированных районах. В настоящее время эта труднодоступность в Европе преодолена, однако она оставила свой след в истории языков и наложила отпечаток на языковые ситуации, в которых эти языки функционируют сегодня. Распространенные в основном в высокогорных районах романские языки отличаются высоким уровнем варьирования (ладинский язык в северо-восточной Италии, ретороманский в Швейцарии, корсиканский). В горах варианты распределяются обычно по долинам, причем внутри долин могут формироваться отдельные говоры в более высокогорной, верхней части и в более равнинной, нижней части. Наряду с природными условиями изоляции способствовало слабое экономическое развитие, отсутствие городов и сложная социальная обстановка в регионе. Дополнительным моментом могла выступать конфессиональная обособленность носителей языка. Результат оказывается двойственным: с одной стороны, изолированность способствует сохранению в языке архаизмов и препятствует закреплению изменений, источником которых являются центральные ареалы. Но, с другой стороны, в развивающихся автономно, в условиях ограничения контактов диалектах и говорах формируются собственные, иногда инновативные особенности структуры.

Ключевые слова: миноритарные языки, языковые контакты, изолированные ареалы, лингвистика горных ареалов, языковые архаизмы и инновации

Для цитирования: Челышева И. И. О «последствии» труднодоступности в истории миноритарных языков и диалектов. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2025, 2: 213–233.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-213-233

The “after-effects” of inaccessibility in the history of minority languages and dialects

Irina Igorevna Chelysheva

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
chelirin@gmail.com*

The present article is devoted to minority languages and dialects that function in remote, inaccessible, isolated areas. Currently, this inaccessibility has been overcome in Europe, but it has left its mark on the history of languages, as well as on the linguistic situations in which these languages function today. Romance languages that are spoken primarily in mountainous areas have a high level of variation (e. g., Ladin in northeastern Italy; Romansh in Switzerland; Corsican). In the mountains, the language varieties are usually distributed across valleys, while within the valleys, separate dialects can form in the higher upper part and in the flatter lower part. Along with the natural conditions of isolation, weak economic development, lack of cities and a difficult social situation in the region have all been contributing factors. An additional point could be the religious isolation of native speakers along confessional lines. There is a twofold result: on the one hand, isolation contributes to the preservation of archaisms in the language and prevents the diffusion of changes originating in central areas; on the other hand, languages and dialects that have developed autonomously under conditions of limited contact form their own, sometimes innovative, structural features.

Keywords: minority languages, language contact, isolated areas, linguistics of mountainous areas, linguistic archaisms and innovations

For citation: Chelysheva I. I. The “after-effects” of inaccessibility in the history of minority languages and dialects. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2025, 2: 213–233.

DOI: 10.37892/2313-5816-2025-2-213-233

Введение

В исследованиях Джой Иосифовны Эдельман мир иранских языков предстает во всем своем разнообразии, и как часть этого мира вписаны в общую картину и языки малочисленных народов и племен, рассеянных по труднодоступным ареалам, и языки конфессионально обособленных групп. Такие языки и диалекты в любой языковой группе, в любой языковой семье оказываются источником интереснейшего с типологической точки зрения материала, часто сохраняют характеристики, утраченные в родственных им крупных языках, и входят как элемент в состав нестандартных языковых ситуаций.

В современной Европе проблемы изоляции или труднодоступности той или иной территории уже не актуальны, однако в истории европейских языков эти факторы имели немалое значение. Анализируя сегодняшнее состояние таких идиомов, мы можем обнаружить следы развития языкового образования в труднодоступном ареале, своего рода «последействие» когда-то существовавшей изоляции носителей, и выявить некоторые общие закономерности в развитии как языковых ситуаций, так и самих языков в плане структуры. Труднодоступность регионов чаще всего (но не только) связана с горным характером местности или с островами. Но свою роль сыграли и особенности экономического, социального, культурного развития. В современной лингвистике общность в закономерностях развития привела к формированию целого направления «горной лингвистики» (mountain linguistics) [Urban 2020] и к появлению исследований социолингвистического плана, объединяющих в коллективной монографии, например, Альпы и Кавказ [Scetti, Djordjevic Léonard, Léonard 2022]. В Италии традиционно объединяется социолингвистическая проблематика ареалов Альп и Апеннин [Marcato 2003].

Естественно, всегда оказывались оторванными от континента острова, что хорошо передается термином англ. *insularity*, франц. *insularité*, итал. *insularità* ‘островной характер’. Эта характеристика в гуманитарных исследованиях

разного плана часто соотносится с такими крупными островами и сообществами, как Великобритания или Ирландия. Но есть и примеры малочисленных идиомов, как табаркино в Италии, о котором речь пойдет ниже, или идиомов крайне удаленных, как английский островов, см., например, [Schreier 2003] об английском на острове Тристан да Кунья.

Наша статья основана на материале романских идиомов, однако во многом и в особенностях языковых ситуаций, и в динамике языковых структур в этих ареалах прослеживаются аналогии и типологическое сходство с развитием языков разных регионов и разных семей. Для современного состояния труднодоступных ареалов характерно многоязычие и *asymmetrical vertical bilingualism* [Urban 2020], исторически сложившаяся многовариантность идиомов и неоднозначные структурные трансформации, когда консервативные и инновативные характеристики объединены в структуре одного идиома.

Природные и социальные факторы, определившие труднодоступность ареала

Есть несколько факторов, способствовавших если не полной изоляции территории, то, по крайней мере, ограничивавших доступ к этой территории и, соответственно, приводивших к обособленности распространенных там языковых образований.

Прежде всего речь идет о природных условиях, которые затрудняли перемещение и приводили к ограничению контактов и связей. Проживание на островах поддерживало жизнеспособность местного наречия: так, далматинский язык дольше всего, до конца XIX в., сохранялся в вельютском варианте на островах Адриатики (по итальянскому названию ныне хорватского острова Крк – Veglia). На принадлежащем Великобритании острове Джерси в проливе Ла-Манш до сих пор существует *Jèrriais* ‘джерсийский’, вариант северо-западного нормандского диалекта французского языка, который в самой Нормандии как полноценная языковая си-

стема не сохранился [Jones 2001]. Особый путь прошли романские наречия островов Сардиния и Корсики. Однако заметим, что, за исключением острова Джерси, все упомянутые острова находятся в освоенном с древнейших времен бассейне Средиземного моря и прибрежные полосы, напротив, оказывались зоной активных контактов, в том числе и контактов языковых.

В большей степени последствия развития в условиях труднодоступности сказываются на идиомах, носители которых проживали в горных и особенно в высокогорных районах; для романских языков это Альпы, Пиренеи, Апеннины. Сложный рельеф приводил не только к изоляции носителей языка внутри горного массива, но и к ослаблению связей между долинами этого массива. С таким разделением по долинам, связана высокая вариативность ладинского в северной Италии и ретороманского в Швейцарии.

Помимо природных факторов играли свою роль и особенности исторического и социального развития. Экономическая отсталость и бедность, отсутствие дорог и городов обуславливали проживание в замкнутых сельских общинах в южноитальянской области Базиликата. Добавим к этому социальное неблагополучие общества: локальные столкновения, бандитизм и произвол делали опасными любые путешествия. Для формирующейся романской языковой общности исключительное значение имели дороги, построенные еще римлянами в античный период; они объединяли и делили территории, обеспечивали контакты или, наоборот, обходя земли, оставляли в стороне целые сообщества. Изоляции (в том числе и сознательной) способствовала конфессиональная инаковость групп населения, которые, сохраняя себя, замыкались в своей среде. Рассмотрим подробнее судьбу некоторых романских идиомов, чье современное состояние несет на себе «последействие» труднодоступности в прошлом.

Современное многоязычие труднодоступных регионов и родной язык как маркер этнолингвистической идентификации

Языковая ситуация в европейских регионах, долгое время остававшихся изолированными, к сегодняшнему дню стала многоязычной. В Европе горные и островные лингвистические ареалы являются частью территории государств, где имеется один или несколько официальных языков (Италия, Франция, Швейцария, Великобритания и др.). Родной язык остается как один из элементов этнической идентичности, сосуществующий с Dach-Sprache ‘языком-крышой’ в терминологии Г. Клосса. Часпер Пульт (Chasper Pult), известный в Швейцарии лингвист, литератор, руководитель ряда общественных объединений в защиту и поддержку ретороманского языка, в беседе с автором этой статьи, определил себя, в первую очередь, как *ladino*, а затем как *alpino*. *Ladino* в данном случае — наименование жителей Энгадина, одной из частей кантона Граубюнден. Из пяти вариантов ретороманского (романшского) языка, функционирующего в Граубюндене, два варианта — нижнеэнгадинский и верхнеэнгадинский — определяются как *ladino*. Второе определение — *alpino* ‘житель Альп, альпийский горец’, отсылает к определенным условиям проживания, к традициям ведения хозяйства, организации быта и др. В романском мире оно объединяет и Альпийскую Швейцарию, и Альпийскую Италию. В приведенном определении *alpino* прочитывается отсылка к общей закономерности, определяемой как *asymmetrical vertical bilingualism* ‘ассиметричный вертикальный билингвизм’, противопоставляющий горцев жителям равнин [Urban 2020]. Но часто ситуация не ограничивается двуязычием. Носители ретороманского (около 50 тыс.) владеют немецким, а некоторые и немецким, и итальянским. Ретороманский же представлен в одном из пяти местных вариантах и дополнен наддиалектной, искусственно выработанной нормой *Rumantsch Grischun* ‘Граубюнденский Романшский’. Также и в Италии в долинах с ла-

динским языком (заметим, что в данном случае речь идет о лингвонимах-омонимах в Италии и в Швейцарии) в школе культивируется трехъязычие: ладинский, немецкий, итальянский, однако в реальности оно труднодостижимо.

Современное многоязычие во многом результат того, что труднодоступность способствовала сохранению миноритарного языка. К 70-м годам XX в., когда возрос интерес к местным языкам, оказалось, что автохтонное наречие испанской области Арагон сохранилось именно в горных районах Верхнего Арагона. При наложении лингвистической карты и карты физической хорошо видно, что зона устойчивого сохранения арагонского совпадает с той частью территории Пиренеев, где вершины достигают максимальной в Арагоне высоты (хребты *Sierras Exteriores* и *Sierras Interiores*). Кроме того, горный рельеф предполагает устойчивость традиционных занятий для местных жителей, прежде всего отгонного скотоводства. А значит, сохранялись круг общения тех, кто этим занимается, пастушеская терминология, наименования бытовых предметов, используемых при таком образе жизни, и т. д. Арагонский в наиболее чистом виде функционировал как наречие пастухов Верхнего Арагона, что позволило на этой основе провести revitalизацию языка, «надстроив» недостающие языковые структуры [Benítez Marco, Latas Alegre 2023]. Такая же закономерность прослеживается и в других ареалах: гасконский на юго-западе Франции имеет наиболее прочные позиции в Пиренейских горах Беарна, а фриульский на северо-востоке Италии — в горной Карнии.

Нельзя сбрасывать со счетов и относительную изолированность островов. В Италии на крохотных островах Сан-Пьетро и Сант-Антиокко у берегов Сардинии выживает *tabarchino* ‘табаркинский’ (10 тыс. говорящих), носители которого в XVI в. выселились из северной Италии, из Лигурии на остров Табарка у берегов Туниса, а к середине XVIII в. перебрались к берегам Сардинии, оказавшись «дважды острогитянами». Сохраняя лигурскую основу, табаркинский перенес существенные трансформации, связанные как с кон-

тактами с другими языками, так и с оторванностью от исходного лингвистического ареала.

Языковое варьирование в труднодоступных ареалах

Наиболее гористые ареалы вполне предсказуемо оказываются и наиболее дробными с точки зрения разделения языкового континуума. Изолированность отдельных долин, входивших в состав горных массивов способствовала тому, что по долинам складывались свои варианты. Ярким примером является ситуация с ладинским языком в Альпах (около 30 тыс. говорящих, северо-восточная Италия). Для того чтобы понять ладинскую языковую ситуацию, надо разобраться с физической географией. Ядро ладинского ареала находится в горном массиве Селла; отсюда лингвоним для основной зоны распространения ладинского – «селланский ладинский». Таким образом, ареал в целом определяется по принадлежности к горной цепи. Язык распространен в пяти долинах, в каждой из которых есть собственный диалект: долина Гардена (лад. *Gardëina*, итал. *Gardena*, нем. *Gröden*); долина Бадиа (лад. *Val Badia*, итал. *Valle di Badia*, нем. *Gadertal*); долина Мареббе, которая представляет собой ответвление от долины Бадиа (лад. *Marèo*, итал. *Marebbe*, нем. *Enneberg*); долина Фасса (лад. *Val de Fasha*, итал. *Val di Fassa*, нем. *Fassatal*); верхняя часть долины Кордеволе, именуемая долиной Ливиналлонго (лад. *Fodóm*, итал. *Livinallongo*, нем. *Buchenstein*). Долина Ливиналлонго находится в области Венето, остальные четыре — в области Трентино-Альто Адидже, где проживает немецкоязычное население и официальными языками являются итальянский и немецкий.

Рельеф определил и более дробное деление, типичное для таких ландшафтов: говоры верхней и нижней части долины. Диалект долины Бадиа делится на верхнебадиотский и нижнебадиотский. В долине Фасса выделяют верхнефассанский (*cazét*) и нижнефассанский (*brach*), а в коммуне Моэна (*Moena*) этой же долины функционирует говор

moenat [Casalicchio 2020: 145]. На языковые образования повлияла не только изолированность долин, но и противоположное — доступность перемещения внутри ареала. Долина Гардена наиболее гомогенна в лингвистическом плане, поскольку внутри долины нет значительных перепадов высоты и естественных преград. А формирование отдельного говора moenat связывают с тем, что на выходе из долины, где расположена Моэна, не обнаруживалось препятствий для контактов с североитальянскими говорами долины Фьемме, что не могло не повлиять на моэнскую разновидность ладинского. Восточнее селланского ладинского расположена так называемая «ладинская амфизона» (горный массив Кадоре, город Кортина д'Ампеццо), где не было столь явной изоляции носителей и произошло формирование переходных ладино-венетских говоров.

Для понимания современного состояния корсиканского также придется уделить внимание физической географии острова. Наречия Корсики разделяются на две основные зоны, и разделение проходит по главному хребту, который тянется с северо-запада на юго-восток острова. Названия диалектных ареалов отражают их расположение по отношению к этому хребту: северо-восточная часть по-корсикански *Cismonti*, итал. *Di quà dai monti* ‘С этой стороны гор’, а юго-западная — *Pumonti*, итал. *Di là dai monti* ‘За горами, с той стороны гор’. Для вариантов языка используются также наименования *corsu supranu* ‘верхнекорсиканский’ для северо-восточных вариантов и *corsu suttanu* ‘нижнекорсиканский’ для юго-западных. Если основной хребет разделил язык Корсики на два крупных диалектных ареала, то внутри этих ареалов, особенно в южной и юго-западной части, горные цепи идут поперек острова с востока на запад и между ними расположены долины, напоминающие формой вытянутые треугольники. Их широкая часть обращена к морю на западной стороне острова, а с противоположной стороны узкая часть долин упирается в высокий основной хребет. Таким образом, оказалось затрудненным и сухопутное сообщение между долинами по линии юг-север, и связь с северным и восточным побережьями Корсики. Един-

ственная значимая римская дорога была проложена по северному и восточному берегу. С конца XIII в., когда Корсика перешла под власть Генуи, стало формироваться разделение на *pievi* ‘приходы’, отдельные территории, которыми управляли местные своевольные и воинственные синьоры, иногда враждовавшие с соседями, что также не способствовало активному общению между жителями долин.

Открытые для контактов с континентом северное и восточное побережья Корсики, с одной стороны, предсказуемо менее консервативны в лингвистическом плане, а, с другой стороны, подверглись существенному влиянию тосканского диалекта Италии, который стал основой для итальянского литературного языка. На севере к тому же ощущалось влияние Генуи, под властью которой Корсика перешла в конце XIII в. Такое соединение природных условий и исторических обстоятельств привело к многовариантности современного корсиканского.

Экономическое и социальное развитие и функционирование языков в труднодоступных ареалах

Соединение факторов разного порядка, как природных, так и социальных, можно наблюдать в судьбе диалектов так называемой Зоны Лаусберга на юге Италии (по имени диалектолога Генриха Лаусберга, исследовавшего местные наречия в 30-х годах XX в.) [Lausberg: 1939]. Она расположена на границе двух итальянских областей — южной Лукании (официальное название этой области сегодня — Базиликата, но в исторических и лингвистических работах она чаще называется Лукания) и северной Калабрии. Очертания Апеннинского полуострова позволяют сделать понятным расположение Зоны Лаусберга для неитальянистов: это широкая полоса от «подъема» итальянского «Сапога», ограниченного заливом Поликастро Тирренского моря, до части «подошвы» между «носком» и «каблуком», упирающейся в залив Таранто на море Ионическом. С точки зрения особенностей

ландшафта это не самый высокогорный район Италии, однако скалистые обрывы, ущелья и каменистые плоскогорья с античных времен затрудняли продвижение. Неосвоенность этой малоплодородной территории заметна и сейчас: треть площади Базиликаты занимают национальные парки; это больше, чем в любой другой области густонаселенной Италии.

При обсуждении проблемы формирования говоров Зоны Лаусберга много внимания уделяется историческим, экономическим, социальным особенностям развития этих мест. Со времен античного Рима этот район оказался вне римской дорожной сети. Самым удобным способом перемещения был морской, вдоль юго-западного побережья полуострова и далее к Сицилии, а проложенной римской дорогой *Via Popilia* пользовались мало. В постанттический период люди уходили с побережья, чтобы избежать разбойных нападений и грабежа, поскольку в горах было безопаснее и легче создать укрепленное поселение. В течение всего XIX в. в горах хуяйничали *briganti* — разбойники-инсургенты, в деятельности которых протест против властей сочетался с откровенным бандитизмом. Их боялись, от них скрывались, и их же прославляла народная молва.

В 1902 г. Базиликату (Луканию) посетил тогдашний премьер-министр Италии Дж. Дзанарделли, и возглавляемая им комиссия констатировала крайнюю отсталость этого края, почти полное отсутствие дорог, бедность и неграмотность населения. Было отмечено, что этот регион не только плохо связан с остальной Италией, но и внутри области жители ее разных частей почти не знают своих соседей и воспринимают их как чужих [Sagrestani 2004]. Высокий процент неграмотных и малограмотных жителей в Лукании сохранялся до середины XX в., что тормозило распространение итальянского литературного языка, особенно в устной форме, и сохраняло местные наречия как основное средство общения.

Вывод, сделанный о социально-экономической ситуации в Лукании в целом, вполне приложим в отношении си-

туации языковой в Зоне Лаусберга. Внутреннее варьирование диалектного ареала отличается тут сложностью и многообразием. Достаточно сказать, что, следуя за Лаусбергом, на этой небольшой территории диалектологи выделяют Randgebiet ‘пограничную зону’, Vorposten ‘аванпост’, Mittelzone ‘центральную зону’, Zwischenzone ‘переходную зону’ и Südzone ‘южную зону’, которые при изучении конкретных языковых характеристик образуют сложную мозаику по отдельным населенным пунктам.

Конфессиональные отличия и судьба языка

В истории немало примеров, когда группы населения, исповедовавшие религию, отличную от большинства, сохраняли обособленность. Покидая, чаще всего из-за религиозных гонений, родные места, они уносили с собой и свой язык. Самым известным примером в романском мире является сефардский, язык изгнанных из Испании на исходе XV в. евреев.

Менее известна судьба окситанского наречия вальденсов. На севере Италии с XII в. сформировались поселения вальденсов, сторонников религиозного движения, отколовшегося от западноевропейского христианства, которых католическая церковь считала еретиками. До сих пор в североитальянской области Пьемонт выделяют Valli Valdesi ‘Вальденские долины’: (Валь-Мартино, Валь-Андрона и Валь-Лучерна), где немало прихожан этой церкви, для которых родным языком был (а иногда и остался) окситанский.

Конфессиональная обособленность вальденсов сформировалась и помогла удержать их язык за пределами Пьемонта. Обратимся к guardiolo, языку коммуны Гуардия Пьемонтеzee в провинции Козенца в области Калабрия на юге Италии, где в настоящее время проживает менее двух тысяч человек. Гуардия Пьемонтезе была заселена в XII–XIII вв. вальденсами, которые переселились из долин Пьемонта и из французского Прованса и принесли на юг Италии родной для них вариант окситанского языка. К эмиграции могли привес-

ти как религиозные притеснения, так и бедность пьемонтских долин. Исходно в Калабрии сформировалось несколько поселений вальденсов, но язык сохранился только в Гуардии Пьемонтеze, чemu могла способствовать относительная изолированность: хотя этот городок и находится у побережья Тирренского моря, расположение на довольно высоком скальном холме (более 500 м над уровнем моря) затрудняло доступ к коммуне и долгое время удобной дороги туда не было. В XVI в. жители Гуардии Пьемонтеze подверглись жестоким испытаниям. Вальденсы примкнули к Реформации, что в католической стране привело к безжалостным гонениям и породило кровопролитную бойню 1561 г., когда было убито около 2 тысяч человек. В результате вальденсы еще больше замкнулись внутри своего поселения. Язык стал для них важным маркером противопоставления «свой» (говорящий на гуардиоло) / «чужой». В настоящее время эта замкнутость давно преодолена, но еще живет, хотя и под угрозой исчезновения, уникальный вариант окситанского языка на юге Италии.

Архаизмы и инновации в языках труднодоступных регионов

В лингвистическом плане результат долгого проживания языковой общности в относительно труднодоступном месте оказывается неоднозначным. Широко известны аналогии в языках горных районов, порожденные жизнью в схожих условиях. Так, пространственные наречия включают в себя указание на перепады высот; в ретороманском Швейцарии *en* (*aint*) — направление вверх по долине, против течения реки', *our* (*ora*) — направление вниз по долине, по течению реки; в ладинском в Италии *aut-fora* — вверх наружу, *aut-ite* — вверх внутрь [Горенко, Сухачев 2001: 369]. «Горная лингвистика» отмечает такое же сложное построение наречий места и в языках других регионов (сино-тибетские языки в Гималаях, нахско-дагестанские языки на Кавказе) [Urban 2020: 11].

Проблема архаичности изолированных ареалов была одной из любимых тем итальянской неолингвистики. В несколько категоричной форме ее изложил М. Бартоли: «Более изолированный ареал сохраняет нормы более раннего этапа. <...> Острова более консервативны, чем континент, а горы — чем равнины и побережье, некоторые периферийные ареалы консервативнее центральных, а небольшие центры консервативнее крупных» [Bertoni, Bartoli 1925: 68].

Утверждение об архаичности (в менее категоричной форме о консерватизме) изолированных ареалов во многом основано. Заметим, однако, что иногда речь идет не о языковых структурах, а о самом факте сохранения языка. В исследовании, посвященном упомянутому нормандскому наречию острова Джерси, этот идиом уже в названии определяется как *obsolescent dialect* ‘устаревший диалект’ [Jones 2001]. Тем не менее, в отдаленные места действительно не доходят изменения, источником которых является центр ареала. Но, с другой стороны, в ограниченном пространстве, в отсутствии контактов, идиом обретает автономность и получают развитие специфические тенденции, своего рода «мутации», которые закрепляются в языке. Нельзя сказать, что эти изменения абсолютно уникальны; нередко аналогии обнаруживаются в других частях романского мира.

Наиболее часто определение «архаичные говоры» используют, когда речь идет об уже упомянутой Зоне Лаусберга. Природная изолированность всего района и слабая связь между отдельными частями, которые в него входят, способствовали языковому консерватизму носителей говоров. Точечно там действительно обнаруживаются редкие архаизмы. Так, особое внимание лингвистов привлек говор входящий в Зону Лаусберга коммуны Вербикаро в Калабрии (3500 жителей). Этот говор рассматривается как единственный в романском мире идиом, где сохранились во множественном числе латинские флексии среднего рода, в то время как романские языки средний род утратили. В диалекте Вербикаро средний род имен функционирует с теми формами и с той дистрибуцией, какие были в латыни; напри-

мер, *armalia vòstra anò mòrta* ‘Ваши животные умерли’, где латинским окончанием *-a* ср. рода мн.ч. оформлены существительное, притяжательное и причастие [Idone, Silvestri 2018]. Заметим, что окончание мн. ч. *-a* в именах достаточно распространено в диалектах Италии и имеет различные функции, но только в Вербикаро оно осталось именно там, где было в латыни, и оформляет все элементы именной синтагмы, что можно рассматривать как сохранение латинской системы трех родов.

Сохраняются в Зоне Лаусберга и латинские окончания для глаголов в ед. ч. в презенсе индикатива *-s* 2 лицо и *-t* 3 лицо: луканск. *fasə* ‘делаешь’, *fatə* ‘делает’ (обе формы с эпитетой нейтрального гласного), ср. итал. *fai*, *fa* [Lüdtke 1979: 72]. Диалекты Италии утратили конечные согласные в этих формах, однако сам по себе факт удержания конечных в составе глагольных флексий для романских языков не уникален. В диахронии в таком инновативном ареале, как французский, устойчиво сохранялся *-s* в глагольной парадигме (в современном французском остался на письме — *tu chantes* ‘ты поешь’), а *-t* постоянно отражался в рукописях XI–XIII в.

Одной из наиболее известных характеристик Зоны Лаусберга является специфика ударного вокализма. Тип вокализма для романских языков определяется исторически, в зависимости от изменений ударных гласных от латыни к романским языкам. Каждый из этих типов основан на частично совпадающих, частично отличающихся закономерностях перехода гласных от латыни к романским языкам (см. обзор в [Banfi 1996]). В этом не очень протяженном ареале фиксируются все романские типы сдвигов в системе ударного вокализма: «западнороманский», «сицилийский», «румынский», «сардинский» и переходные между ними. Как архаизм рассматривается наличие в центре Зоны Лаусберга (*Mittelzone*) ударного вокализма сардинского типа, в котором латинская оппозиция долгий/краткий гласный была утрачена с сохранением качества гласного, т. е. долгие и краткие просто слились в один звук. Например, лат. *filum* ‘нить’ и *nīvem* ‘снег’ перешли в этой части Зоны Лаус-

берга в *filə* и *nivə*, а лат. *lūna* ‘луна’ и сгйсем ‘крест’ в *lunə* и сгисе [Lüdtke 1979: 55] (ср. итальянские формы с изменением качества гласного *filo*, *neve*, *luna*, *scose*). Именно «сардинский» вокализм традиционно рассматривался как наиболее архаичный этап по сравнению с другими типами [Lausberg 1939; Lüdtke 1973; Rohlf 1982]. В настоящее время есть точка зрения, что нет оснований считать этот тип вокализма хронологически предшествующим другим типам и рассматривать его как самый архаичный [Krefeldt 2004: 55]. Вопрос остается дискуссионным, но распределение вокализма сардинского типа по романским языкам, на наш взгляд, показывает, что он действительно сложился в относительно изолированных ареалах: это Сардиния, отчасти Корсика и Зона Лаусберга.

Как пример интересной языковой «мутации» в островном ареале рассмотрим ситуацию с ударным вокализмом в корсиканском. В формировании ударного вокализма романских языков преобладает общая закономерность: с утратой противопоставления по долготе/краткости для звуков [e] и [o] латинские долгие гласные переходили в закрытые, а краткие — в открытые. Эти переходы в дальнейшем осложнялись другими трансформациями. На севере и в центре Корсики есть говоры, где происходит ровно противоположное, т. е. произошла инверсия открытости/закрытости. На юге Корсики существует ударный вокализм сардинского типа, а в долине реки Тараво сложилась уникальная ситуация: лат. ё/ё и ö/ö слились по сардинскому типу, а остальные гласные — по северокорсиканскому типу, который сам по себе специфичен для романской исторической фонетики [Dalbera-Stefanaggi 2001]. Объяснения такой ситуации основываются на разных критериях: островной характер корсиканского, влияние на севере тосканского и генуэзского, изолированность долины Тараво, сохранение архаических характеристик корсиканско-сардинского языкового единства.

Обратимся к еще одному примеру, когда в изолированном идиоме проявляются специфические черты. В окситанском говоре Гуардия Пьемонтезе прослеживается тенден-

ция утраты всех конечных гласных, в том числе и там, где этот гласный восходит к латинскому -a [Micali 2023]. Для романских языков это важная характеристика, поскольку от конечных зависит наличие флексий рода или рода и числа в грамматической структуре. Окситанский, в том числе и окситанский в долинах Пьемонта, принадлежит к числу романских языков, где замолкают все латинские безударные конечные гласные, кроме -a. Этот звук, в зависимости от диалекта, сохраняется или переходит в [e]/[ə]/[œ] [Лободанов, Морозова, Челышева 2001: 286]. В калабрийских диалектах, окружающих гуардиоло, присутствуют два варианта переходов, характерных для южных диалектов Италии: либо конечные сохраняются, либо переходят в нейтральный гласный [ə]. Таким образом, в говоре Гуардия Пьемонте складывается ситуация, отсутствующая как в окситанском, так и в калабрийских диалектах, и напоминающая, скорее, судьбу конечных в современном французском.

Приведенные примеры подтверждают условность разделения языковых характеристик на архаичные и инновативные, но также подтверждают специфичность развития языков в изолированных ареалах.

Заключение

Подводя итог, отметим, что труднодоступность ареала способствовала сохранению языка обитавшего в этом ареале населения. Это стало особенно заметно в XX в., когда интенсификация контактов с внешним миром привела к угрозе исчезновения многие миноритарные языки. На современном этапе в романских странах Европы удаленность и труднодоступность способствовала сохранению витальности языков и диалектов и способствовала формированию ситуации функционально ассиметричного двуязычия или трехъязычия.

Как наследство многовекового проживания в обособленном мире островных, высокогорных, цивилизационно удаленных районах осталась высокая вариативность вну-

три ареалов, распространенных в этих районах языков. П. Мартино, анализируя говоры Зоны Лаусберга, образно охарактеризовал ситуацию как «*spolverizzazzione degli esiti*» ‘распыление языковых характеристик’ [Martino 1996: 66].

Но, вместе с тем, современные исследователи рассматривают ситуацию не так однозначно, а разделение на консервативные и инновативные языковые характеристики выглядит довольно условным. Аналогии и параллели обнаруживаются и в других, далеких от консерватизма и открытых для контактов ареалах, например во французском языке.

Литература

Горенко, Сухачев 2001 — Горенко Г. М., Сухачев Н. Л. Ретороманский язык. Языки мира. Романские языки. Москва, 2001, 335–365.

Лободанов, Морозова, Челышева 2001 — Лободанов А. П., Морозова Е. В., Челышева И. И. Окситанский язык. Языки мира. Романские языки. Москва, 2001, 278–304.

Banfi 1996 — Banfi E. Gemeinromanische Tendenzen I. Phonetik / Tendenze romanze comuni I. Fonetica. *Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. II/1 Latein und Romanisch: Historisch-vergleichende Grammatik der romanischen Sprachen*, ed. by G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Berlin; New York, 1996, 163–199.

Bertoni, Bartoli 1925 — Bertoni G., Bartoli M. *Breviario di neolinguistica*. Modena, 1925.

Benítez Marco, Latas Alegre 2023 — Benítez Marco P., Latas Alegre O. El aragonés: historia de una lengua minoritaria y minorizada. *Lengas*, 94, 2023. URL: <http://journals.openedition.org/lengas/7360>

Casalicchio 2020 — Casalicchio J. Il ladino e i suoi idiomi. *Manuale di linguistica ladina*. A c. di P. Videsott, R. Videsott, J. Casalicchio. Berlin; Boston, 2020, 144–202.

Dalbera-Stefanaggi 2001 — Dalbera-Stefanaggi M.-J. *Essais de linguistique corse*. Ajaccio, 2001.

- Idone, Silvestri 2018 — Idone A., Silvestri G. *Verbicarese*, University of Zurich, 2018. URL: <https://www.dai.uzh.ch/new/#/public/overviews>
- Jones 2001 — Jones M. C. *Jersey Norman French. A Linguistic Study of an Obsolescent Dialect*. Oxford, 2001.
- Krefeldt 2004 — Krefeldt Th. Un mito da smontare: l’arcaicità del vocalismo sardo. *Su sardu — limba de Sardigna e limba de Europa*. Cagliari, 2004, 55–65.
- Lausberg 1939 — Lausberg H. *Die Mundarten Südlukaniens*. Halle, 1939.
- Lüdtke 1979 — Lüdtke H. *Lucania. Profilo dei dialetti italiani* 17. Pisa, 1979.
- Martino 1991 — Martino P. *L’area Lausberg. Isolamento e arcaicità*. Roma, 1991.
- Micali 2022 — Micali I. *L’occitano di Guardia Piemontese tra lingua e identità*. Pisa, 2022.
- Marcato 2003 — Marcato G. (ed.). *I dialetti e la montagna. Atti del Convegno internazionale di Studio Sappada (Belluno), 02-06 luglio 2003*. Padova, 2003.
- Rohlfs 1985 — Rohlfs G. Ein archaischer phonetischer Latinismus im nordlichen («lateinischen») Kalabrien. *Zeitschrift für romanische Philologie*, 1982, 98: 547–549.
- Sagrestani 2004 — Sagrestani M. *Viaggio, inchiesta, legge: Zanardelli in Basilicata*. Università di Firenze, 2004. URL: <https://www.georgofili.net/file/get?c=1432c71d-97ad-4d6e-9c2b-bcb9ae4e1623>
- Scetti, Djordjevic Léonard, Léonard 2022 — Scetti F., Djordjevic Léonard K., Léonard J. (eds.). *Vitalité sociolinguistique des langues des massifs montagneux: Alpes et Caucase*. Roma, 2022.
- Schreier 2003 — Schreier D. Insularity and Linguistic Endemicity. *Journal of English Linguistics*, 2003. URL: https://www.academia.edu/48325101/Insularity_and_Linguistic_Endemicity
- Urban 2020 — Urban M. Mountain linguistics. *Language and Linguistics Compass*, 2020, 9. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lnc3.12393>

References

- Banfi E. Gemeinromanische Tendenzen I. Phonetik / Tendenze romanze comuni I. Fonetica. *Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. II/1 Latein und Romanisch: Historisch-vergleichende Grammatik der romanischen Sprachen*, ed. by G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Berlin; New York, 1996, 163–199. (In German).
- Bertoni G., Bartoli M. *Breviario di neolinguistica*. Modena, 1925. (In Ital.)
- Benítez Marco, Latas Alegre 2023 — Benítez Marco P., Latas Alegre O. El aragonés: historia de una lengua minoritaria y minorizada. *Lengas*, 94, 2023. URL: <http://journals.openedition.org/lengas/7360> (In Spanish)
- Casalicchio J. Il ladino e i suoi idiomì. *Manuale di linguistica ladina*. A c. di P. Videsott, R. Videsott, J. Casalicchio. Berlin; Boston, 2020, 144–202. (In Ital.)
- Dalbera-Stefanaggi M.-J. *Essais de linguistique corse*. Ajaccio, 2001. (In French)
- Gorenko G. M., Sukhachev N. L. Retoromanskiy yazyk [Rhaeto-romance language]. *Yazyki mira. Romanskie yazyki*. Moscow, 2001, 335–365. (In Russ.)
- Idone A., Silvestri G. *Verbicarese*, University of Zurich, 2018. URL: <http://www.dai.uzh.ch/new/#/public/overviews>
- Jones M. C. *Jersey Norman French. A Linguistic Study of an Obsolescent Dialect*. Oxford, 2001
- Krefeldt Th. Un mito da smontare: l’arcaicità del vocalismo sardo. *Su sardu — limba de Sardigna e limba de Europa*. Cagliari, 2004, 55–65. (In Ital.)
- Lausberg H. *Die Mundarten Südlukaniens*. Halle, 1939. (In German)
- Lüdtke H. *Lucania. Profilo dei dialetti italiani 17*. Pisa, 1979. (In Ital.)
- Bobodanov A. P., Morozova E. V., Chelysheva I. I. *Oksitanskiy yazyk* [Occitan language]. Moscow, 2001, 278–304. (In Russ.)
- Martino P. *L’area Lausberg. Isolamento e arcaicità*. Roma, 1991. (In Ital.)
- Micali I. *L’occitano di Guardia Piemontese tra lingua e identità*. Pisa, 2022. (In Ital.)

Marcato G. (ed.). *I dialetti e la montagna. Atti del Convegno internazionale di Studio Sappada (Belluno), 02-06 luglio 2003*. Padova, 2003. (In Ital.)

Rohlfs G. Ein archaischer phonetischer Latinismus im nordlichen («lateinischen») Kalabrien. *Zeitschrift für romanische Philologie*, 1982, 98: 547–549. (In Germ.)

Sagrestani M. *Viaggio, inchiesta, legge: Zanardelli in Basilicata*. Università di Firenze, 2004 URL: <https://www.georgofili.net/file/get?c=1432c71d-97ad-4d6e-9c2b-bcb9ae4e1623>

Scetti F., Djordjevic Léonard K., Léonard J. (eds.). *Vitalité sociolinguistique des langues des massifs montagneux: Alpes et Caucase*. Roma, 2022. (In French)

Schreier D. Insularity and Linguistic Endemicity. *Journal of English Linguistics*, 2003. https://www.academia.edu/48325101/Insularity_and_Linguistic_Endemicity

Urban M. Mountain linguistics. *Language and Linguistics Compass*, 2020, 9. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/lnc3.12393>